

К ИЗУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИИ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Фразеология – это фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа и являются благодатным материалом для исследования языка и культуры. Необходимость собирания, изучения и описания фразеологизмов как номинативных единиц языка всегда была актуальна и не оставляла умы лингвистов.

При изучении исторической фразеологии необходимо принимать во внимание различные периоды развития языка, а также разные жанры (типы) памятников письменности [Трофимович 2003: 161]. В предпринимаемом исследовании для изучения фразеологии нами был выбран период развития белорусского языка в эпоху существования Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ). Этот период (XV-XVII вв.) является важным этапом формирования национальной формы восточнославянских языков. Древнерусская основа сочеталась в них с существенным количеством новообразований, что являлось отражением произошедших дивергентных процессов и сформировавшейся к этому времени самобытности [Трофимович, Полещук 2007: 197]. Одним из актуальных направлений историко-фразеологических исследований является изучение фразеологии деловой письменности. Деловая письменность представлена большим количеством памятников, и именно в них мы находим язык эпохи, близкий к живому разговорному языку [Трофимович 2003: 162].

Одним из крупнейших памятников деловой письменности ВКЛ является Литовская метрика. Литовская метрика – архив ВКЛ, первостепенный источник по истории земель, продолжительное время входивших в состав Литовского государства. Полная Литовская метрика состоит из 566 томов, объединяющих документы с 1386 г. по 1794 г. Кроме актов, издававшихся от имени великого князя литовского и короля польского, Литовская метрика заключает в себе массу документов частноправо-

го характера: судебных решений, завещаний и т. п., а также дипломатических актов [Бережков 1946: 4-5]. Книги Литовской метрики изучаются не только историками, но и лингвистами, поскольку многонациональная ситуация в ВКЛ нашла свое отражения в языке Литовской метрики.

Вопрос о языке Метрики в настоящее время является спорным. Его называли и называют по-разному: западнорусский язык, «проста мова», русский язык, литовско-русский язык, старобелорусский язык, староукраинский язык, западнорусский литературно-письменный язык, южно-русский язык, русский, русинский, славянский язык ВКЛ, канцелярский язык ВКЛ. В нашем исследовании мы придерживаемся традиционного в белорусистике и русистике термина старобелорусский язык.

В исследовании мы используем книги Литовской метрики в качестве важнейшего источника по исторической фразеологии. Важно показать, что к моменту создания правовых документов в старобелорусском языке уже формируются национальные особенности, которые отличают его от старорусского языка. Это и является основной целью предпринимаемого исследования.

В рамках нашего исследования и в соответствии с обозначенной целью необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать состав и провести классификацию собранных фразеологических единиц; 2) дать сравнительно-сопоставительную характеристику установленных типов фразеологических наименований.

Выявление сходств и различий фразеологического состава старорусского и старобелорусского языка проводилось при помощи следующих методов: сравнительно-сопоставительный, типологический и описательный.

Изучение исторической фразеологии сопряжено с целым рядом трудностей. Сложным является вычленение фразеологической единицы из текста письменного источника и определение ее границ. К

фразеологизмам (в диахроническом аспекте) относятся единицы, обладающие набором определенных признаков, основными из которых являются устойчивость, которая определяется постоянством значений фразеологизмов и постоянством компонентного состава, воспроизводимость, повторяемость, высокая степень метафоричности, семантическая спаянность компонентов [Паляшчук 2007: 67].

Долгое время остается дискуссионным вопрос об объеме фразеологии. В исследованиях по исторической фразеологии сложилось мнение о целесообразности широкого толкования этого объема [Трофимович 2003: 162]. Мы также исходим из широкого понимания объема фразеологии, объектом которой являются все устойчивые сочетания слов, а также «серийные выражения».

Изучение текста некоторых книг Литовской метрики показало, что назначение этих памятников письменности подразумевает наличие в них большого количества фразеологизмов и фразеологических единиц социального, общественно-политического, социально-экономического содержания. Среди извлеченных из памятников единиц можно выделить несколько фразеолого-семантических групп: названия лиц, названия различных официальных документов, названия плат и налогов, названия органов власти и некоторые другие. Среди проанализированных фразеологических единиц большинство составляют сочетания, называющие действия и предметы. Это связано прежде всего с концептуализацией действительности. В современной когнитологии действие и предмет – понятия исключительно важные и имеют наибольшую когнитивную значимость для человека как носителя языка. Содержание же памятников деловой письменности в наибольшей степени отражают эту значимость, поскольку фиксируют разнообразие взаимоотношений, главным в которых выступает человек как объект, субъект и исполнитель.

Несмотря на формирующиеся различия, в языке Литовской метрики встречаются фразеологические единицы, общие для старорусского и старобелорусского языков. В основном это единицы, называющие лиц, действия, а также трафаретные формулы, которые представляют собой словосочетания и предложения, отличающиеся устойчивостью синтаксической конструкции, повторяемостью. Например, фразеологические средства номинации людей: *служебные люди* (старобел.) – служилые люди (старорус.), *добрые люди* (старобел. и старорус.), *люди тяглые* – ‘крестьяне, основной повинностью которых была тягловая служба’ [СРЯ 8, 343; ГСБМ 17, 182], *простые люди* – ‘низший слой свободного

населения’ [СРЯ 8, 343; ГСБМ 17, 183]. Средства наименования действий: *бить да смерти* (старорус.) – *забити до смерти* (старобел.), *чинить кривду* (старорус.) – *чынити кривды* (старобел.), *поднести право* (старобел.) – ‘*паклясцяся, прысягнуць*’ [ГСБМ 24, 249] – *поднести право* (старорус.) – ‘*присяга*’ [СРЯ 18, 115].

Изучение книг Литовской метрики свидетельствует о том, что фразеологический состав старобелорусского языка характеризовался развитостью и значительным своеобразием. Заметное отличие от старорусского языка наблюдается во фразеологических единицах, используемых для номинации различного рода официальных документов, названий людей, государственных пошлин, а также некоторых действий. Приводимые ниже устойчивые сочетания зафиксированы в «*Гістарычным слоўніку беларускай мовы*» и подаются с пометой. В «*Словаре русского языка XI–XVII вв.*» подобные единицы выявлены не были.

В книгах Метрики для названия документов используются фразеологические единицы, отражающие происходившие дивергентные процессы в старорусском и старобелорусском языках. Например, *лісьць прысяжны* – ‘письмовое сведчанне прысягі’ [ГСБМ 17, 61], *лісьць еднальный* (зъеднальный) – ‘дакумент аб пагадненні судовых бакоў, міравая’ [ГСБМ 17, 54], *лісьць позовный* – ‘выклік у суд’ [ГСБМ 17, 60], *лісьць приповедный* (прыповедный) – ‘загад аб скліканні, арганізацыі войска’ [ГСБМ 17, 61], *лісьць дозволенный* – ‘дакумент, у якім паведамляецца аб дазволе вышэйшатачай асобы на правядзенне якой-небудзь зямельнай, маёмаснай аперацыі’ [ГСБМ 17, 53], *ліст вызнанны* – ‘письмовое пацвярдженне якой-небудзь здзелкі, распіска’ [ГСБМ 17, 52], *ліст венонный* – ‘дакумент, які пацвярджае права ўдавы і адзінокай жанчыны на карыстанне зямлёй, маёмасцю, грашовымі сродкамі’ [ГСБМ 17, 52] и др.

Своеобразием отличаются и устойчивые сочетания, называющие людей. Это единицы, именующие лиц по характеру деятельности, по месту жительства, качественные характеристики человека. Приведем примеры: *люди зацные* (*цнотливые, учтивые*) – ‘асобы станоўчага характару, паводзін, якія карыстаюцца павагай’ [ГСБМ 17, 174], *людзі путные* (*подводные*) – ‘людзі, на якіх ляжаў абавязак пастаўляць падводы і выязджаць на месцы’ [ГСБМ 17, 181], *людзі люзные* (*лезьные*) – ‘людзі без пастаяннай аселасці; падзёншчыкі’ [ГСБМ 17, 179]: *С тыхъ прычын тому постановеню и уфале, которую ваша милость Панове Рада н(а)ши зо вѣсими станы здесья в Лебедеве уфалили, ми, г(о)с(по)д(а)рь, позволивъши податокъ водле постановеня и уфалили соиму Городенского с*

кожьдое волоки оселое по тридцати грошеи, а з людеи лезъныхъ податок поголовъныи водъле уфалы соиму Виленского [Книга публичных дел (1567–1569) 2001: 40]. Для именования лиц по роду деятельности привлекались такие фразеологизированные единицы: *судьи полюбовные, референдар господарски, поборцы поветовые, поборцы земьские и др.*

Государственные пошлины, установленные законом, взимались с различных слоев населения и именовались по-разному. В основном в их составе использовались конкретизирующие элементы, указывающие на вид пошлины, с кого и чем она взималась. Приведем несколько наименований: *податок поголовный, податок серебрячизный: уфалили и постановили есте, иж податокъ серебрячизъныи зъ соиму Городенского уфаленыи, которыи року шестдесять осмого по святе Трехъ Кролев выдаван бытии мель* [Книга публичных дел (1567–1569) 2001: 42].

Дивергентные единицы использовались и при назывании некоторых действий. В старобелорусском языке находим такие средства, отличные от старорусского, отмеченные в ГСБМ: *держати до животовъ своихъ* – ‘карыстацца чым-небудзь да смерці’ [ГСБМ 8, 54], *взятии пыхъ и гардостъ* – со значением ‘загардзіцца’, *ображати соромотою, примовлять словами нечистивыми* – в значении ‘оскорбить’, *позычить через руки чьи-небудзь* – ‘узяць у доўг’ [ГСБМ 26, 20], *за горла имати* – ‘пакараць’ [ГСБМ 6, 49], *вымову чынити* – ‘гаварыць, даводзіць, выгаворваць’ [ГСБМ 5, 275]: А естли с тыми добыткыи прийдуть на што суть посланы, або которыи иншими потому бы кождый з вас могъ узнати, естли ся што от них на противку воли и росказанью н(а)шому стала або ни и чините вымовы речми непотребными [Книга записаў № 28].

Таким образом, изучив некоторые книги Литовской метрики, можно сделать вывод, что фразеологические составы старорусского и старобелорусского языков отличались своеобразием. Наряду с древнерусской основой в XV–XVII вв. в указанных языках функционировали и укреплялись новообразования, отразившиеся в лексике и фразеологии и закрепившиеся в национальной форме этих языков. Очевидно, что это своеобразие было определено номинативными потребностями языков и их носителей. Можно предположить, что различия во фразеологии обусловлены изменившимися условиями жизни государства и народа.

СОКРАЩЕНИЯ

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. Г. А. Богатова. Москва: Наука, 1975–2000, вып. 1–24.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2002, вып. 1–22.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Минск: БГПУ, 2003. 223 с.
2. Трофимович Т. Г., Полещук Н. В. К ономазиологической трактовке старорусской и старобелорусской фразеологии. // Личность – слово – социум: материалы VII Международной научно-практической конференции, 11–12. 04. 2007 г., г. Минск: в 3 ч. Отв. ред. Т. А. Фалалеева. Минск: Паркус плюс, 2007, ч. 2, с. 197–200.
3. Березков Н. Литовская метрика как исторический источник. Ч. I. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1946. 180 с.
4. Паляшчук Н. В. Аб фразеалагічным складзе старабеларускай дзелавой пісьменнасці // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы V междунар. научн. конф., Гомель, 22–23 октяб. 2007 г. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007, с. 66–70.
5. Литовская метрика. Институт истории Литвы. 10 книга судных дел (1540–1541). Подгот. текста S. Lazutka и др. Вильнюс, 2003. 262 с.
6. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Книга публичных дел (1567–1569). Parengė L. Anuzytė ir A. Baliulis. Вильнюс: Zara, 2001. 279 с.
7. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кн. 28: Кн. записаў 28 (1522–1552 гг.). Падрыхт. тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. Менск: Athenaem. 2000. 312 с.